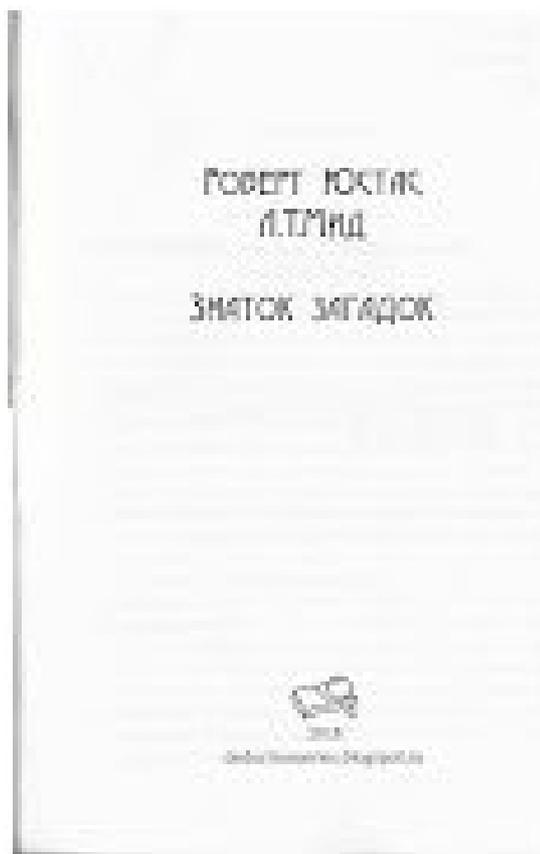
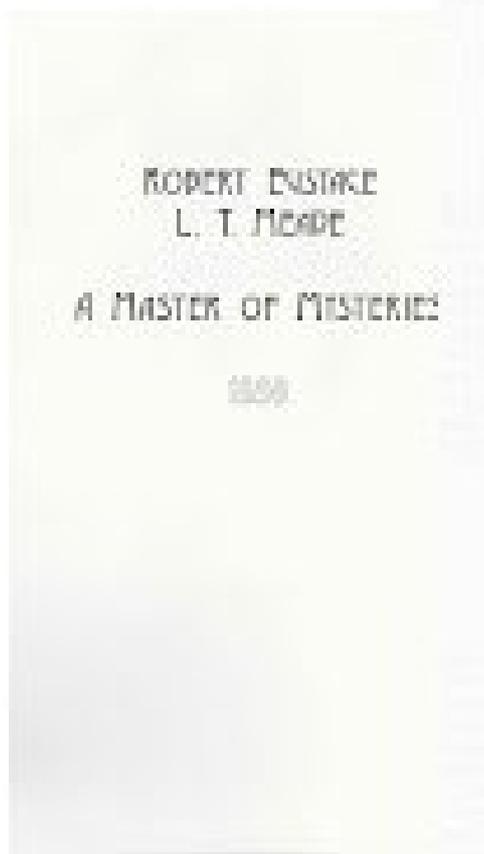

Роберт Юстас, Л. Т. Мид
Знаток загадок
Тимашевск, 2018

Серию «Дедукция» мы продолжаем публикацией сборника рассказов Р.Юстаса и Л.Т.Мид «Знатоки загадок»

© Перевод. С.Хачатурян, 2017

© Перевод. А.Чунтонова, 2017

© Оформление. А.Кузнецов, 2015

Содержание:

- Роберт Юстас, Л. Т. Мид. Вступление (статья)
- Роберт Юстас, Л. Т. Мид. Тайна круглой комнаты (рассказ)
- Роберт Юстас, Л. Т. Мид. Дверной страж (рассказ)
- Роберт Юстас, Л. Т. Мид. Тайна туннеля Фелвин (рассказ)
- Роберт Юстас, Л. Т. Мид. Плотина Эйт-Майл (рассказ)
- Роберт Юстас, Л. Т. Мид. Так говорил Шива (рассказ)
- Роберт Юстас, Л. Т. Мид. Алиби (рассказ)
- Роберт Юстас, Л. Т. Мид. Секрет равнины Эму (рассказ)

От редакции

Очевидно, что наша книжка вскоре появится не только в легальных магазинах, но и в огромном количестве библиотек с возможностью бесплатно ее скачать. Мы не сильно против, но все таки мы хотим заработать. Конечно, кто-то легально купит книжку, но очевидно что таких людей будет немного (Вот вы знаете кого-нибудь покупающего электронные книги? И даже если среди ваших знакомых случайно водятся такие оригиналы, то много ли их?) Мы не собираемся лукавить и говорить что переводили эту книгу ради удовольствия — наша цель в том, чтобы наладить регулярный перевод новых детективов, и только лишь энтузиазма для этого мало.

Аудитория читателей электронных книг огромна, и мы рассчитываем, что среди них найдутся читатели, которым не жалко поддержать переводческое дело. Если кто желает в этом поучаствовать — загляните в блог нашей серии deductionseries.blogspot.ru и в нашу группу «ВКонтакте»

Вступление

Я из тех людей, кому судьба позволила связать свои интересы и наклонности с профессией. Еще с ранней юности меня непреодолимо тянуло ко всему странному и загадочному, и я твердо решил воплотить все свои идеи и возможности в жизнь. Так что теперь я, можно сказать, знаменит среди друзей и знакомых как профессиональный разоблачитель призраков и единственный человек, способный развеять даже самый старый и страшный миф о злых духах. Ни разу в жизни мне не приходилось жалеть о своем выборе, хотя тем, кто хотел бы пойти по моим стопам, я хотел бы дать совет: крепко задумайтесь, прежде чем связывать свою жизнь с таким делом, потому что вы тем самым обрекаете себя на огромные количества тяжелых, долгих, затратных и неблагодарных работ, а также насмешки со стороны окружающих и нередко огромную опасность для жизни. Объяснять и разгадывать явления из «потустороннего мира» с помощью науки стало делом моей жизни, и конечно мне пришлось очень многое пережить во исполнение своего долга. На этих страницах я хочу изложить некоторые странные и интересные истории из своей практики, окутанные тайной и темными предзнаменованиями, но тем не менее успешно разрешенные с помощью настоящего любопытства, силы воли и науки.

Дверной страж

— Если не веришь, можешь прочесть это сам, — сказал Аллен Клинтон, поднимаясь по ступенькам к верхней полке в поисках нужной книги.

Я откинулся в своем кресле. Лучи уходящего солнца пробивались сквозь витражные стекла старой библиотеки, разукрашивая красно-желтыми полосами бесконечные ряды томов в черных кожаных переплетах.

— Вот она, Белл!

Я взял из рук Аллена Клинтона пожелтевший и заплесневелый том, буквально выкопанный из своей книжной могилы.

— Это должно быть примерно в середине книги, — с нетерпением продолжил он. — Ты сразу узнаешь эти большие черные древнеанглийские буквы.

Я перелистывал страницы с семейным древом и другими архивными записями Клинтон, пока наконец не наткнулся на то, что искал. Это было то самое проклятие, преследовавшее семью с 1400 года. Медленно и с большими затруднениями я расшифровывал эти ужасные обрекающие слова.

И в том подвале стоит гроб, гроб не человеческой формы, который не принимает ни одна святая земля. Здесь он и останется проклятием рода Клинтон, передающимся из поколения в поколение. Как только душа покидает тело первенца-наследника, она становится стражем двери в этот подвал и должна охранять ее денно и нощно. Бесперывно должна душа эта всеми правдами и неправдами держать дверь закрытой, пока сын не выпустит душу отца из часов и, умерев, не сменит его на этом посту. И любой вошедший в подвал станет узником души-стража и останется здесь, пока та не отпустит его.

— Что за жуть! — сказал я, смотря на молодого человека, наблюдавшего за мной во время чтения. — Ты же сам говорил, что этот подвал еще никто никогда не видел. Думаю, что его существование не более чем миф, и конечно проклятие, лежащее на душах всех первенцев и заставляющее их сторожить дверь, просто абсурд. Материя не подчиняется колдовству.

— Самое странное в этом всем то, — ответил Аллен, — что все описания Аббатства, на которые ссылается эта запись, были обнаружены. Но именно этот подвал с его ужасными содержимым найти не удалось.

Безусловно эта легенда была очень любопытна, и я допускаю, что она произвела на меня некоторое впечатление. Я даже вообразил, что когда-то где-то уже слышал нечто подобное, но мне не удалось точно воспроизвести это в своей памяти.

За три дня до того я приехал в Аббатство Клинтон охотиться на фазанов.

Был уже вечер воскресенья. Вся семья, кроме старого сэра Генри, Аллена и меня, была в церкви. Сэр Генри (к тому времени ему было уже около восьмидесяти лет), хронический инвалид, отправился в свою комнату на послеобеденный сон. Младший Клинтон и я пошли на прогулку по окрестностям, а вернувшись, возобновили наш разговор о семейной истории. Когда дело дошло до легенды о родовом проклятии, дверь в библиотеку тихонько отворилась, и сэр Генри в своем черно-сиреневом пиджаке, очень сильно контрастировавшем с его белоснежными волосами и бородой, зашел в комнату. Я встал со стула, подал ему свою руку и проводил до его излюбленного кресла. Как только он со вздохом опустился в его роскошную глубину, на глаза ему попался старый том, который я недавно положил на соседний стол. Он нагнулся вперед, взял книгу в руки, и посмотрел на своего сына.

— Это ты брал книгу? — резко спросил он.

— Да, отец. Взял, чтобы показать ее Беллу. Он интересуется историей Аббатства и...

— Поставь ее на место сейчас же, — прервал старик, его черные глаза на миг озарились внезапной страстью. — Ты ведь прекрасно знаешь, что я терпеть не могу, когда мои книги лежат непонятно где, особенно эта. Постой, дай-ка лучше мне ее сюда.

Он с трудом поднялся с кресла, взял книгу, запер ее на ключ в одном из ящиков своего письменного стола и вернулся на место. Его руки дрожали; он сидел будто охваченный внезапным ужасом.

— Ты говорил, завтра к нам приезжает Филлис Керзон? — теперь уже с раздражением спросил пожилой человек сына.

— Да, отец, конечно, неужели ты не помнишь? Миссис Керзон и Филлис приезжают на две недели. Ах, точно, — добавил он, вставая со стула. — Ты мне напомнил о том, что я должен сходить сказать Грейс...

Остаток фразы потерялся за захлопнувшейся дверью. Как только мы с сэром Генри остались одни, он посмотрел на меня долгим молчаливым взглядом. А потом заговорил:

— Прошу прощения за резкость. Я сам не свой. Не понимаю, что со мной происходит, я словно распадаюсь на куски. У меня бессонница. Думаю, что мне уже не долго осталось, и очень беспокоюсь за Аллена. Дело в том, что я отдал бы все что угодно, чтобы остановить эту помолвку. Я хочу, чтобы он никогда не женился.

— Очень печально слышать это от вас, сэр, — ответил я. — Я был уверен, что вы, как отец, должны хотеть видеть своего сына счастливым.

— У большинства мужчин так и есть, — последовал ответ, — но у меня свои причины желать совершенно иного.

— Что вы имеете в виду? — не удержался я.

— Если бы я только мог сам это объяснить. Скажу только, что лучше Аллену не продолжать наш род. Возможно, я чересчур одержим этой идеей, и, конечно же, мне не под силу остановить свадьбу, но я обеспокоен очень многими серьезными вещами.

— Я бы очень хотел вам помочь, — порывисто сказал я. — Если есть хоть что-то, что я могу для вас сделать, знайте, что вам стоит только попросить меня об этом.

— Спасибо, Белл, я знаю. Но я не могу тебе всего рассказать. Может быть когда-нибудь и смогу, но сейчас — сожалею, ужасно сожалею.

Его снова охватила дрожь; он закрыл глаза руками, словно ограждая себя от какого-то ужасного зрелища.

— Никому ни слова о нашем разговоре, особенно это касается Аллена, — внезапно сказал он. Возможно, что однажды я попрошу тебя о помощи. И помни, Белл, что я тебе доверяю.

Он протянул мне руку, которую я тут же пожал. Через мгновение зашел дворецкий с лампами, и я воспользовался этим удобным случаем, чтобы удалиться в гостиную.

На следующий день прибыли Керзоны. Одного взгляда на Филлис хватило, чтобы понять, что она очаровательна. Высокая, хрупкая, с прямой и грациозной осанкой и красивым, несколько надменным, лицом. В спокойном состоянии она выглядела высокомерной, но когда начинала говорить, все лицо ее оживало, а доброта и харизма переливались через край. У нее был задорный смех, милая улыбка и тонкая, сочувственная душа. Я был уверен, что у этой девушки добрейшее сердце, и что выбор Аллена достоин восхищения.

Прошло несколько дней, наступил последний вечер перед моим отъездом обратно в Лондон. Мать Филлис недавно ушла спать, пожаловавшись на головную боль, и Аллен внезапно предложил нам втроем прогуляться под луной: ночь была великолепна.

Филлис радостно захохотала и мигом побежала в холл, чтобы накинуть на себя шаль.

— Аллен, — сказала она возлюбленному, поспешившему за ней, — мы с тобой пойдем впереди.

— Нет, юная леди, в таком случае я воспользуюсь привилегией пойти с вами первым, — сказал сэр Генри. Он тоже спустился в холл и ко всеобщему удивлению озвучил свое намерение прогуляться вместе с нами.

Филлис одарила пожилого человека немного удивленным взглядом, но тут же легонько взяла его под руку, кивнула с улыбкой стоящему позади возлюбленному, и они с сэром Генри стремительно ушли вперед. Мы с Алленом пошли сзади.

— И что же удумал мой отец? — сказал мне Аллен. — Он никогда не выходит на улицу ночью. Хотя в последнее время с ним не все в порядке. Порой мне кажется, что он изо дня в день становится все более странным.

— Уверен, с ним далеко не все в порядке, — ответил я.

Гуляли мы около получаса, а в дом вернулись по тропинке, ведущей к боковому входу. Филлис ждала нас в холле.

— Где мой отец? — подходя к ней, спросил Аллен.

— Он очень устал и ушел спать, — ответила она. — Доброй ночи, Аллен.

— Ты не пойдешь с нами в гостиную? — немного опешив, спросил он.

— Нет, я тоже устала.

Она кивнула ему, не коснувшись его руки. Трудно было не заметить странное выражение ее глаз. Она убежала наверх.

Аллен был крайне удивлен ее поведением, но не стал ничего говорить. Смолчал и я.

На следующее утро во время завтрака мне сказали, что Керзоны уже уехали. Аллен был просто изумлен этим фактом, и как я заметил, сильно раздражен. Мы с ним завтракали вдвоем в старой библиотеке. Его отцу было слишком плохо, так что он к нам не спустился.

Через час я уже был на пути в Лондон. Многие вещи крутились у меня в голове, я переключался с мысли на мысль: Аллен и его помолвка, сэр Генри и старое родовое проклятие — все они потихоньку тонули в глубинах моего сознания.

Три месяца спустя, 7 января, меня глубоко опечалило объявление в «Таймс» о смерти сэра Генри Клинтона.

В течение этого периода я временами слышал от его сына, что отец быстро угасает. Он также упоминал дату своей свадьбы — 21 января, которая, в связи со сложившимися обстоятельствами, несомненно, должна быть отложена. Мне было, действительно, очень жаль Аллена, и я сразу же написал ему длинное письмо с соболезнованиями.

На следующий день я получил от Аллена телеграмму, в которой он очень просил меня приехать к нему в Аббатство как можно скорее, потому что у него большие проблемы.

Я наскоро собрал немного вещей и в шесть вечера уже был в Аббатстве Клинтон. Атмосфера в доме стояла тихая и подавленная — похороны должны были состояться на следующий день. Клинтон вошел в холл и тепло взял меня под руку. Я сразу заметил, каким изнуренным и озабоченным выглядел мой товарищ.

— Очень здорово с твоей стороны, Белл, — сказал он. — Я выразить не могу, как я благодарен тебе за то, что ты приехал. Ты единственный человек, который может мне помочь. Я знаю, что у тебя есть опыт в подобных делах. Пошли в библиотеку, я все тебе расскажу. Мы поужинаем одни, моя мама и девочки сегодня остались в своих квартирах.

Как только мы уселись, он сразу же приступил к своему рассказу.

— Сначала я должен рассказать тебе предысторию этого происшествия, — начал Аллен. — Помнишь, как Филлис с матерью внезапно собрались и уехали, когда ты здесь был в последний раз?

Я кивнул. Я очень хорошо это помнил.

— На следующее утро после твоего отъезда я получил длинное письмо от Филлис, — продолжил он. — В нем она рассказала мне о чрезвычайной просьбе к ней моего отца, которую он озвучил во время прогулки под луной — ни много ни мало он настойчиво попросил ее расторгнуть нашу помолвку. Филлис писала достаточно откровенно, как и всегда, убеждая меня в своей неизменной и вечной любви и преданности, но сказала также, что под гнетом сложившихся обстоятельств ей совершенно необходимо объясниться и проститься со мной. Переполненный практически неуправляемой яростью, я пошел к своему отцу в кабинет, положил письмо Филлис прямо перед ним и спросил, что все это значит. Он посмотрел на меня с неопределимым выражением из смеси усталости и пафоса.

— Да, мой мальчик, я сделал это, — сказал отец. — Филлис совершенно права. Я взял с нее слово, что она расторгнет помолвку, так настойчиво, как только может позволить себе старик.

— Но почему? — спросил я. — Зачем?

— Вот этого я не могу тебе сказать, — последовал ответ.

Я вышел из себя и сказал ему несколько слов, о которых сейчас очень жалею. Он мне даже не ответил. Когда я закончил говорить, он медленно произнес:

— Я прекрасно понимаю твои эмоции и не виню тебя, Аллен. Это естественная реакция нормального человека.

— Ты нанес мне тяжелую травму, — парировал я. — Что Филлис думает по этому поводу? Она уже никогда не станет прежней. Я должен увидеться с ней сегодня же.

Он не произнес больше ни слова, и я ушел. Меня не было дома около недели. Почти все это время ушло на то, чтобы убедить Филлис пересмотреть странную просьбу моего отца и расставить все по своим местам в точности, как было раньше.

После того, как я твердо убедился в восстановлении нашей помолвки, и мы назначили дату свадьбы, я вернулся домой. По приезду я рассказал обо всем этом отцу.

— Твое право, — сказал он мне, сильно помрачнев. С того момента, хотя я смотрел за ним день и ночь не смыкая глаз и делал все, что только могут сделать любовь и нежность, его здоровье резко пошло на убыль, и с каждым днем все больше казалось, что он уже не придет в себя. Отец очень мало говорил, и каждый раз, когда мы оказывались наедине, кивал мне с выражением глубокой скорби на лице. А неделю назад он лег в кровать и больше не поднялся.

На этом моменте Аллен остановился.

— Теперь я перейду непосредственно к сегодняшним событиям, — сказал он. — Как ты можешь предположить, я был с отцом до самого конца. За несколько часов до своего ухода он позвал меня к себе и к моему глубочайшему удивлению снова завел разговор о моей помолвке. Даже сейчас, на последнем часу жизни, отец со всей серьезностью просил меня расторгнуть ее. Он сказал, что еще не поздно, и что ничто так не облегчит его душу перед смертью, как мое обещание на всю жизнь остаться одному. Конечно, я попытался поднять ему настроение. Он взял меня за руку, посмотрел прямо в глаза с выражением, которое я никогда не забуду, и произнес: «Аллен, дай мне торжественную клятву, что ты никогда не женишься».

Конечно, я не смог этого сделать, и отец сказал мне, что не сомневался в моей упертости и написал мне письмо. Я должен был найти его в сейфе и прочесть только после отцовской смерти. Я прочел его этим утром. Белл, это самое неожиданное развитие событий. И либо это целиком и полностью плод отцовского воображения (потому что ближе к концу рассудок его почти полностью иссяк), либо это есть на самом деле и это самое ужасное, о чем мне когда-либо доводилось слышать. Вот письмо, почитай сам.

Я взял лист бумаги из его рук и прочитал его содержимое, написанное дрожащей рукой практически неразборчивым почерком:

Мой дорогой сынок,

Если ты читаешь это письмо, значит меня уже нет в живых. Последние шесть месяцев моей жизни были сущим адом. Весь ужас начался так. Ты прекрасно знаешь, насколько сильно я всегда интересовался семейной историей нашего дома. Последние годы своей жизни я провел, исследуя каждую деталь, каждый факт, связанные с этой темой. Я намеревался, только бы здоровье не подвело, опубликовать свои труды в солидном томе.

В тот самый вечер, к которому я подвожу разговор, я засиделся в своем кабинете с книгой, которую ты недавно показывал Беллу. В особенности мое внимание привлекло страшное проклятие, которое старый аббат наложил на нашу семью в конце XIV века. Я снова и снова перечитывал эти ужасные слова. Я знаю, что все описанное там было обнаружено, кроме того самого подвала с гробом. В какой-то момент я почувствовал сильную усталость и должно быть уснул. Я видел сон: кто-то зашел в мой кабинет, тронул меня за плечо и сказал: «Пойдем». Я посмотрел вверх: меня звала высокая фигура. Ее голос и внешность принадлежали моему покойному отцу. Во сне я тут же встал, хотя совсем не понимал, куда и зачем иду. Фигура шла впереди и повернула в холл. Я взял со стола свечку и ключи от часовни, отпер дверь, и мы вышли на улицу. Голос все продолжал

повторять «Идем, идем», отец все шел впереди. Я прошел через весь двор, открыл дверь часовни и вошел в нее.

Вокруг стояла гробовая тишина. Я прошел через неф к северному проходу; фигура все еще шла впереди меня. Она прошла через большие церковные скамьи (поговаривают, что в этом месте обитают привидения) прямо к статуе старого аббата, который когда-то произнес проклятие. Наклонившись вперед, фигура нажала на глаза старого монаха, и тут же часть каменной стены начала отодвигаться в сторону, открывая лестницу позади. Должно быть, я очень торопился, потому как почувствовал, что во что-то врезался. Меня пронзило чувство боли, и вдруг я проснулся. Каково было мое изумление, когда я обнаружил себя стоящим среди церковных скамей в часовне! Конечно, нигде не было никакой фигуры, только холодный лунный свет простирался вокруг. Я был в замешательстве и под большим впечатлением от произошедшего и уже направился в сторону дома, как вдруг меня осенила мысль, что часть моего странного сна сбылась на самом деле. Я оглянулся назад. Казалось, что старый монах улыбается мне своей мраморной улыбкой, а прямо за ним я увидел открытое пространство. Я поспешил в его сторону: перед моими глазами предстала узкая лестница. Не могу описать захватившие меня в тот момент эмоции; единственное, с чем можно их хоть как-то сравнить, — сильное, раздирающее, жуткое любопытство. Я спустился по этой лестнице со свечей в руке. Ступеньки кончились при входе в длинный коридор, который я сразу же пересек и в конце концов оказался перед железной дверью. Она не была заперта, однако открыть ее оказалось не самым простым делом. Если быть честным, мне пришлось приложить все свои силы, но в итоге она поддалась и открылась в мою сторону. За ней пряталась та самая комната с гробом, о котором говорилось в проклятии. Я смотрел на все это с диким ужасом и не осмеливался войти. Гроб был клиновидный, шипованный, с торчащими отовсюду огромными гвоздями. И тут я увидел то, что заставило застыть кровь в моих жилах: медленно, очень медленно, будто движимая чей-то рукой, огромная тяжелая дверь начала закрываться, постепенно набирая скорость, и вскоре с грохотом захлопнулась, оставив за собой долгое и пронзительное эхо.

Переполненный страхом и ужасом, я ринулся прочь от зловещего погребца и сам не заметил, как снова оказался в своем кабинете.

Теперь я знаю, что старое проклятие не выдумка; что дух моего отца стережет эту самую дверь, потому что видел все своими глазами, и пока ты читаешь это, знай, что я сейчас именно там. Я заклинаю тебя потому: никогда не женись! Не приноси в этот мир ребенка, чтобы положить конец этому ужасному проклятию. Дай нашему роду вымереть, если тебе хватит смелости. Я знаю, что многого прошу. Но послушаешь ты меня или нет, приходи ко мне, и если смогу, я дам о себе знать. Держи все это в секрете. Приди ко мне до того, как мое тело упокоится в земле: пока душа с ним не сильно разделилась. Прощай.

Твой любящий отец,
Генри Клинтон.

Я внимательно перечитал это странное письмо дважды и только потом отложил. Первые несколько мгновений я вообще не знал, что сказать. Это, определенно, была самая жуткая и сверхъестественная история, с которой я когда-либо сталкивался.

— Что ты обо всем этом думаешь? — наконец спросил Аллен.

— Ладно, тут существует, по крайней мере, два возможных объяснения, — ответил я. — Первое: твой отец выдумал не только начало этой истории, как он и сам допускал, но и вообще всю целиком.

— А второе? — спросил Аллен, заметив, что я остановился.

— А второе, — продолжил я, — если честно я даже еще не уверен, что именно сказать. Ясно одно: мы точно исследуем все это дело, чтобы прийти к определенному выводу. Просто безрассудно оставлять вещи так, как они есть сейчас. Лучше начать сегодня же вечером.

Клинтон вздрогнул и замешкался.

— Конечно, нужно что-то с этим делать, — ответил он, — но самое ужасное, что Филлис с матерью приезжают сюда завтра утром на похороны, и я не смогу ее встретить — нет, не смогу, бедная девочка! — пока я в таком состоянии.

— Мы пойдем в этот подвал сегодня, — сказал я.

Клинтон поднялся со своего стула и посмотрел на меня.

— Мне это совсем не по душе, Белл, — продолжил он. — Я ни в коем случае не суеверный человек, но я откровенно говорю тебе, что ничто не заставит меня пойти одному в часовню сегодня ночью. Но я готов, если ты пойдешь со мной. Я хорошо знаю место с церковными лавками, о которых говорит в письме отец: оно под витражным окном с изображением Святого Себастьяна.

Вскоре после нашего разговора я отправился в свою комнату переодеться. Мы с Алленом ужинали *тет-а-тет* в большой столовой. Старый дворецкий обслуживал нас с мрачной похоронной торжественностью, а я делал все, что было в моих силах, чтобы направить мысли Клинтон в более радостное и здоровое русло.

Не могу сказать, что мне это удалось. Кроме того, я заметил, что он почти ничего не ел, и, казалось, находился в состоянии нервного, болезненного напряжения из-за предстоящего дела.

После ужина мы пошли в курительную комнату, а в одиннадцать вечера я высказал мысль о том, что нам пора бы уже приступить к действиям.

Клинтон взял себя в руки, и мы вышли на улицу. Он взял ключи от часовни, потом зашел в конюшню за фонарем, и через несколько мгновений мы уже были в священном месте. Было полнолуние; бледный свет лился через южное окно, слабо освещая интерьер. Центральный неф еще можно было разглядеть: готические арки с их причудливыми столбами, каждый из которых украшен резным изображением одного из святых; но, углубляясь дальше во мрак алтаря, можно было только по очертаниям догадываться о находящихся в нем предметах: хор ангелов и алтарный стол с мраморным запрестольным образом.

Мы тихо закрыли дверь, Клинтон шел впереди с фонарем, направляясь прямо к центральному входу, буквально вымощенному латунными подсвечниками в честь его усопших предков. Мы шли осторожно, на цыпочках, как любой человек инстинктивно делает ночью. Повернув к маленькой церковной кафедре, мы дошли до Северного трансепта. На этом месте Клинтон остановился и обернулся ко мне. Он был очень бледен, а голос его тих.

— Это те самые церковные лавки, — прошептал он. — Это место всегда называлось «обитаемые призраками церковные лавки сэра Хью Клинтон».

Я взял у него из рук фонарь, и мы вошли. Я быстро пересек все лавки и подошел прямо к статуе старого аббата.

— Надо тщательно его осмотреть, — сказал я. Я поднял фонарь, освещая все черты лица, облачение и фигуру монаха. Глаза, хотя и пустующие как у всех статуй, казались мне в тот момент чрезвычайно странными и своеобразными. Отдав фонарь обратно Аллену, я твердо надавил на оба глаза статуи. Через мгновение я не смог удержаться от громкого возгласа: часть каменной стены сбоку отодвинулась, обнаруживая ступеньки, о которых рассказывал старик в письме.

— Это правда! Правда! — закричал в изумлении Аллен.

— Выглядит определенно так, — заметил я, — но не радуйся раньше времени, нам еще предстоит тщательно тут все обследовать.

— Ты собираешься спуститься? — спросил Клинтон.

— Конечно да, — ответил я. — Мы пойдем вместе.

Сразу после этой фразы мы прошли через отворившийся вход и начали спускаться. Лестница была слишком узкой, чтобы вместить рядом двоих человек, так что мы пошли друг за другом, я

вперед с фонарем. Вскоре мы оказались в длинном коридоре и, пройдя его, уткнулись в дверь в сводчатой каменной раме. До сих пор Клинтон не подавал никаких признаков тревоги, однако на месте встречи, куда позвал его покойный отец, он начал терять самообладание. Аллен облокотился на стену, и на мгновение мне показалось, что он вот-вот упадет в обморок. Держа фонарь в руке, я тщательно осмотрел стены и массивную дверь. Затем я поднял единственную на ней железную защелку. Дверь едва поддавалась мне, но вскоре мне удалось открыть ее настежь в свою сторону. Я взгляделся внутрь, держа фонарь над головой, и тут Клинтон закричал:

— Смотри, смотри!..

Я обернулся и увидел, как огромная дверь захлопнулась прямо перед моим носом, чуть не заперев меня с другой стороны.

Попросив Клинтона всеми силами задержать закрывающуюся дверь, я шагнул внутрь; жуткий гроб оказался прямо у моих ног. Так что до этого момента легенда пока оставалась правдивой. Я наклонился и с большой осторожностью осмотрел странную, бесформенную вещь. Это было больше похоже на огромный клин, скорее всего сделанный из какого-то темного старого дерева, а углы гроба были скреплены железными пластинами. Полностью осмотрев это нечто, я распахнул дверь, которую придерживал Клинтон, вышел из погреба и отошел немного в сторону, чтобы посмотреть, что случится. Медленно, очень медленно, будто движимая чей-то невидимой рукой, дверь начала закрываться, набирая скорость, и захлопнулась с громким лязгом.

Снова подняв щеколду, я буквально оттащил дверь в сторону, и пока Клинтон держал ее в этом положении, очень внимательно ее изучил. К тому моменту я не обнаружил ничего подозрительного. В самом деле, у меня было около пятидесяти причин, почему дверь может сама внезапно захлопнуться. Там могли быть скрытые пружины или наклонные петли; сквозняк — вообще не обсуждается. Я посмотрел на петли: они были из железа, прямые и жесткие. Не удалось мне обнаружить и каких-либо пружин или скрытых хитрых приспособлений, хотя изучил я ее действительно со всех сторон; настежь распахнутая, дверь отставала от стены на несколько дюймов. Мы открывали и отпускали ее еще несколько раз, но безрезультатно: в итоге она все равно захлопывалась. В конце концов, я ее снова задержал.

Внутри у меня разыгралось очень странное чувство: было полное ощущение того, что мне сопротивляется невидимый человек, крепко держа дверь с другой стороны. Как только я ее отпускал, дверь продолжала закрываться. Признаю, что в тот момент мне было не под силу разгадать эту загадку. Вдруг меня осенила идея.

— Что гласит легенда? — спросил я, обернувшись к Клинтону. — Что душа должна охранять дверь, держа ее закрытой перед гробом?

— Да, именно так, — запинаясь, ответил Аллен.

— Так что, если это правда, — продолжил я, — и мы вытащим гроб наружу, то дух не закроет дверь. Если же закроет, то это тут же опровергнет всю легенду и обнаружит лишь замысловатое механическое приспособление. Давай, Клинтон, помоги мне вытащить гроб.

— Нет, Белл, — хрипло прошептал он. — Я не осмелюсь зайти туда.

— Что за глупости, приятель, — сказал я, начиная раздражаться от подобного поведения. — Давай, поставь фонарь на пол и придержи дверь.

Я снова зашел внутрь, подошел к гробу и, приложив все свои силы, вытащил его в коридор.

— Ага, — закричал я, — ставлю полсотни фунтов к пяти, что дверь сейчас так же захлопнется.

Я оттащил гроб подальше от двери и велел Аллену отпустить ее. Клинтон с трудом это сделал и, пятясь назад, схватил меня за руку.

— Смотри, — прошептал он, — ты видишь, что она не собирается закрываться? Мой отец ждет, пока мы вернем гроб на место. Сущий кошмар!

Я в ужасе пялился на дверь. Она действительно осталась широко распахнутой и даже не думала шелохнуться. Я буквально подпрыгнул к ней и попытался закрыть. Теперь было такое ощущение, что кто-то пытался держать ее открытой. Потребовалось немало сил, чтобы расшевелить эту громадину, с большим трудом мне удалось только немного ее сдвинуть. В конце концов у меня получилось закрыть ее, но как только я отошел, она распахнулась и с грохотом ударилась об стену. Наступила мертвая тишина. Я слышал, как быстро дышит Клинтон позади меня, и понимал, что он держится из последних сил.

В тот момент меня снова захлестнуло чувство, которое я недавно уже испытывал и которое доводилось мне в жизни испытать еще дважды. Его невозможно описать; оно полностью захватило меня, проникая глубоко в мозг: я почувствовал себя маленьким ребенком в его руках. Было ощущение, что я медленно опускаюсь на дно глубочайшего океана тишины, которая так внезапно окутала нас. Время словно остановилось; у моих ног лежала бесформенная вещь, отбрасывая под светом фонаря жуткую искаженную тень в сторону клетки за моей спиной.

— Не молчи, скажи что-нибудь, — почти прокричал я Клинтону. Резкий звук моего голоса разрушил магические чары: я снова пришел в себя и усмехнулся над шуткой, которую сыграли со мной нервы. Наклонившись вперед, я снова схватил край гроба, но не успел я ступить и шагу в сторону погребя, как Клинтон стрелой помчался по коридору обратно к лестнице.

Придерживая дверь что есть сил, одной ногой я затащил гроб обратно и тут же услышал пронзительный вопль, а затем увидел мчащегося мне навстречу Клинтона.

— Я не смог выбраться! Камень встал на место! Мы заперты! — прокричал он и с диким ужасом ринулся в открытый погреб, сбив меня с ног раньше, чем я успел бы его остановить. Я сразу же встал и подбежал к закрывающейся двери, но было уже слишком поздно: она с громким лязгом захлопнулась, покорно подчиняясь дьявольской магической силе.

— Молодец! — закричал я в бешенстве. — Видишь?! Мы заживо погребены в этой вонючей дыре!

Фонарь, который я перетащил сюда вместе с гробом, тускло освещал лицо Клинтона: оно было похоже на лицо безумца с дрожащими пустыми глазами.

— Похоронены заживо! — закричал он, истерически смеясь. — Да, Белл, это ты во всем виноват, ты дьявол в человеческом обличье!

В зверском приступе бешенства он набросился на меня, в каждом его движении было что-то хищное и жестокое. Он опрокинул лампу, и мы погрузились в кромешную тьму.

Схватка была короткой. Пусть мы и погребены заживо, я не собирался умирать от Алленовой руки; я взял его за горло и прижал к стене.

— Заткнись, — прокричал я. — Твоя беспросветная тупость привела ко всему этому. Стой смирно, пока я не зажгу свет.

К счастью в моей маленькой серебряной коробочке, которую я всегда ношу на цепи от часов, оказалось несколько спичек, так что я снова зажег фонарь. Истерический приступ отпустил Клинтона, и он, съежившись, буквально сполз по стенке на пол и остался там лежать, дрожа всем телом.

Мы определенно оказались в катастрофической ситуации, и я понимал, что единственная наша надежда — оставаться здоровыми и рассудительными. Признаюсь, мне стоило больших усилий заставить себя думать и спокойно размышлять надо всем произошедшим. Кричать о помощи было бесполезным сотрясанием воздуха.

Вдруг меня осенила мысль.

— У тебя с собой письмо отца? — оживившись, спросил я.

— Да, — ответил Аллен, — оно у меня в кармане.

Последний луч надежды угас. Если бы только письма осталось где-нибудь на видном месте в доме, кто-то обязательно вызволил бы нас, следуя инструкциям в нем — это был наш единственный шанс. Надежда была слабой и исчезла почти так же быстро, как и появилась. Без этого письма никто никогда не найдет тайный подвал — он простаивал в секрете веками. Однако я не был настроен умирать без какой-либо попытки выбраться отсюда. Взяв фонарь в руки, я обследовал каждый уголок, каждую трещинку в этой клетке в поисках хоть какого-то прохода — но безуспешно. Никакого намека на выход, и у нас абсолютно никакого инструмента для открытия двери с этой стороны. Я самыми разными способами пытался сдвинуть эту дверь: прыгал, давил, ударялся с разбегу, монотонно повторяя эти действия снова и снова. Но несмотря на все мои попытки, она ни на дюйм не сдвинулась с места. Весь в поту и синяках я сел на гроб и снова попытался собрать все свои силы в кучу.

Клинтон, чрезвычайно потрясенный, молчал. Он спокойно сидел, пялясь в дверь пустым взглядом.

Время ползло очень тяжело и медленно; нам больше ничего не оставалось, кроме как спокойно ждать мученической смерти от голода. Также было весьма вероятно, что в самое ближайшее

время Клинтон свихнется: его нервы уже были натянуты до предела. В общем, я в жизни не оказывался в более паршивом положении.

Казалось, что мы сидим в этом погребе целую вечность; слова наши давно закончились. Снова и снова я повторял про себя слова страшного проклятия: «И любой вошедший станет узником души-стража и останется здесь, пока та не отпустит его». Когда же это бесформенное нечто внутри гроба решит нас отпустить? Наверное, когда от нас останутся одни кости.

Я посмотрел на часы: была половина двенадцатого. Мы определенно провели в этом кошмарном месте больше десяти минут! Мы вышли из дома в одиннадцать, и с тех пор должно быть прошло много часов. Я посмотрел на время второй раз и понял: часы остановились.

— Который час, Клинтон? — спросил я. — Мои часы остановились.

— Какая теперь разница? — пробормотал он. — Что для нас сейчас время? Чем раньше умрем, тем лучше.

Пока говорил, Аллен вытащил часы из кармана и поднес их к фонарю.

— Двадцать пять минут двенадцатого, — сонно пробурчал он.

— Господи! — вскричал я, поднимаясь с места. — И твои остановились?

И тут словно молнией меня пронзила идея.

— Я понял! Понял! Боже мой! Кажется, я наконец-то понял! — в волнении закричал я, поднимая Клинтона с места за руку.

— Понял что? — спросил он меня с диким взглядом.

— Да как до тебя не доходит — секрет, проклятие, дверь! Неужели ты не видишь?

Я вытащил большой нож, который так же всегда ношу с собой на цепи, прикрепленной к брючному карману, и велел Клинтону подержать фонарь. Я высвободил маленькое и острое лезвие и набросился с ним на гроб.

— Я уверен, что весь секрет кроется именно тут, — сказал я, задыхаясь: все силы уходили на расковыривание гроба.

Минут через десять я уже раскромсал деревянную толщу гроба примерно до середины, затем отдал свой нож Клинтону, чтобы он продолжил работу, пока я немного передохну. Через пару минут я снова взял инструмент в руки, и в конце концов, примерно через полчаса, нам удалось проделать небольшую сквозную дырочку в его крышке. Я просунул туда два пальца и почувствовал ими какую-то грубую, колючую массу. Я был страшно возбужден и как помешанный начал расширять просверленную дырку, пока мне не удалось достать оттуда кусочек этой массы; он больше напоминал большой кусок угля. Я сразу же понял, что это было, — магнитная металлическая руда — когда я опустил нож, лезвие сразу же прилипло к ней.

— Вот и вся тайна «души», — закричал я, — теперь мы сможем использовать ее, чтобы открыть дверь.

Я знал одного великого фокусника, который вводил в заблуждение и замешательство зрителей похожим трюком: открывал коробку, закрытую на замок, находясь внутри нее; замок отпирался несколькими осторожными движениями магнитом. А у нас так получится? В тот момент я почувствовал, что наша жизнь висит на волоске. Взяв в руки магнитную массу, я прижал ее к двери прямо в том месте, где с другой стороны находилась защелка, и провел вдоль, будто открывая ее. Мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда я услышал, как защелка снаружи поднялась; дверь наконец-то поддавалась мне и открылась.

— Мы спасены, — крикнул я, — чудом спасены!

— Ты гений, Белл, — задыхаясь, пробормотал несчастный Клинтон, — но теперь... Что нам делать с камнем, закрывшим проход?

— Скоро узнаем, — сказал я, взяв в руки фонарь. — В любом случае худшее позади.

Мы ринулись сквозь коридор к лестнице и не сбавляли темпа, пока не добрались до самого верха.

— Ты чего, Клинтон, — закричал я с фонарем в руке, — тут открыто!

И до этого закрыто не было. Он под впечатлением вообразил себе это.

— Мне не было видно в темноте, я чуть не умер от страха, — последовал ответ. — О, Белл, пошли отсюда как можно скорее.

Мы буквально вывалились из отверстия в стене: мы снова были в часовне. Я поставил камень, закрывавший тайный вход, на место.

Когда мы вышли, было уже раннее утро. Мы поспешили в дом; часы в холле показывали пять.

— Ну и ужас же мы пережили, — сказал я, как только мы немного пришли в себя. — Но, по крайней мере, Клинтон, можно сказать, что оно того стоило. Я навсегда вырвал страницу с этой страшной легендой из истории вашей семьи.

— Я, если честно, до конца так и не понял всего, — сказал он.

— Неужели? Это же так просто. В этом гробу, как видишь, никогда не было никакого тела — он был наполнен магнитной рудой. Для каких дьявольских целей все это было организовано, мы, безусловно, никогда не узнаем. Скорее всего это что-то наподобие человеческой ловушки. Изобретатель был весьма догадлив и неплохо продумал всю зловещую идею: очевидно, что железная дверь всегда будет тянуться в ту сторону, где находится этот магнитный гроб. Поэтому она захлопывалась, когда он находился внутри погребца, и не хотела закрываться, когда мы его вынесли наружу. Очень остроумный метод симуляции присутствия потусторонних сил, который не так-то просто раскрыть. Конечно, монах должен был знать о том, что магнитная руда никогда не теряет своих свойств, поэтому и произнес «проклятье» на века.

— Но как тебе удалось понять все это по нашим часам? — спросил Клинтон.

— Любой, кто понимает принцип магнетизма, с легкостью ответит на твой вопрос, — сказал я. — Все знают, что сильный магнит выводит часы из строя. То, что наши часы одновременно остановились, сразу навело меня на эту мысль, и она оказалась ключом к разгадке этой тайны.

В этот же день мы рассказали обо всем мисс Керзон, а вскоре тайный вход в ужасное место был зацементирован.

Думаю, что не стоит и говорить, что через шесть месяцев пара поженилась, и я надеюсь, что они счастливы, потому что они это заслужили.